

«Я чашу подниму- вино горчит, так к дому далека дорога.

Пока не побежден враг северной страны,

На рубеже остаться мы должны.

Под горестные звуки флейт, морозной ночью нам не спится.

Прекрасно знает рано поседевший полководец: домой не суждено нам воротиться!»

— Фань Чжунъянь*

* Стихотворение «Гордый рыбак». Перевод Вячеслава Челнокова.

Чжан Цинь нагнулся, чтобы зажечь масляную лампу. Желтый огонек размером с горошину отбросил слабый свет на его волосы.

С их разлуки минуло всего несколько лет, а у парня, которому едва перевалило за двадцать, уже проступила седина. Юньци застыл, глядя на не по летам состарившегося Чжан Циня, и на мгновение потерял дар речи.

Мышь с писком пронеслась мимо ног Лань Мо. Тихо выругавшись, она схватила деревянную палку в углу и несколько раз ударила ею, загнав грызуна в маленькую норку в стене.

Взгляд Тоба Фэна блуждал, осматривая помещение. В углу крыши зияла дыра. Склонив голову, он заглянул в неё и увидел на горизонте сверкающую звезду.

Лань Мо, прихватив маленькую деревянную табуретку, вышла во двор, уселась у колодезного сруба и занялась вязанием.

Чжан Цинь принёс две глиняные миски, поставил их на засаленный стол, поднял кувшин и налил немного воды. При свете масляной лампы Юньци разглядел на поверхности воды маслянистые разводы.

Тоба Фэн спросил:

— Разве ты не хотел пить?

Юньци поспешно замахал рукой:

— Больше не хочу.

Тоба Фэн отпил воды, и Юньци пришлось последовать его примеру. В воде чувствовался привкус ила, смешанный с запахом прогорклого масла, отчего его снова начало тошнить.

— А дети у вас так и не появились? — с улыбкой спросил Юньци.

Чжан Цинь улыбнулся в ответ:

— Нет, хотя мой покойный отец очень хотел пухленького внука.

Юньци замолчал, а затем произнес:

— Чжан-лао скончался?

Тоба Фэн хмыкнул в знак согласия, поставил чашу на стол и сказал:

— Слышал, что у твоей матери всё хорошо. Она вернулась на родину в Шаньси.

Чжан Цинь кивнул. Взгляд Юньци скользнул по пустой бочке из-под риса в углу, и он вздохнул:

— В эти годы вы едва сводили концы с концами.

Чжан Цинь горько усмехнулся:

— Так и живём. В тот день мы ушли в спешке, так что я забыл поблагодарить вас за спасение жизни...

С этими словами он собрался опуститься на колени перед Тоба Фэном и Юньци, чтобы совершить поклон.

— Эй, не надо! — Юньци второпях поднял Чжан Циня и с упрёком сказал: — Мы же братья, что ты такое говоришь.

Юньци кратко объяснил их нынешнее положение. Чжан Цинь рассеянно его выслушал, а затем произнес:

— Завтра пятнадцатое число, я отведу быка на рынок и обменяю его на лошадей для вас обоих.

— У меня есть деньги, мы просто их купим... — Юньци уже потянулся за монетами, но Тоба Фэн одной рукой удержал его.

Со двора донёлся насмешливый голос Лань Мо:

— Даже Бодхисаттва, если он из глины, не уцелеет, переходя реку вброд*...

* Даже Бодхисаттва, если он из глины, не уцелеет, переходя реку вброд (□□□□□□□□□□) — обр. не может помочь даже себе; беспомощный, бессильный, беззащитный.

— Да заткнись ты уже, ёб твою мать! — Чжан Цинь внезапно разразился гневом.

Юньци потёр лоб, не в силах больше слушать. Ему захотелось просто махнуть рукавом и уйти.

Тоба Фэн, однако, крепко схватил Чжан Циня и серьезно произнес:

— Не надо так. Слушай свою жену, она же желает тебе добра.

Чжан Цинь тяжело выдохнул:

— Слушать её? Да она несёт чушь!

Затем он снова крикнул в сторону двора:

— Не хочешь здесь жить, так выметайся отсюда! Не хрен тащиться за Лао-цзы и корчить из себя жертву!

От жалости у Юньци чуть не покатились слезы. Кто бы мог подумать, что тот самый золотой отрок и яшмовая дева*, о чьём побеге когда-то толковала вся столица, в итоге докатятся до такой бедности и брани.

* Золотой отрок и яшмовая дева (□□□□) — обр. золотая пара.

Крайняя нищета их дома и ожесточённая перепалка супругов наполняли Юньци чувством отчаяния и отчуждённости.

Неужели это тот самый преисполненный энтузиазмом Цинь-гэ-эр, носивший когда-то парчовые одежды?

Лицо Чжан Циня уже утратило былую мужественность. Годы тяжёлого труда за пределами

Великой стены и постоянное бремя ежедневных забот сделали его кожу грубой, превратив в подобие юного старичка. Он слегка сутулился, вероятно, из-за частых упрёков Лань Мо.

Юньци внезапно почувствовал невыразимое сожаление о сегодняшней встрече.

Чжан Цинь привёл в порядок постель и, не поднимая головы, сказал:

— Юнь-гэ-эр, командир, устраивайтесь вместе на ночлег, сначала отдохните. Завтра я куплю лошадей.

Юньци не удержался от вопроса:

— А где будешь спать ты?

Чжан Цинь смущённо ответил:

— Во внутреннем дворе есть ещё одна комната, я переночую там. Не обращайтесь на неё внимания, пусть сидит.

— Как же так можно! — разом возмущённо воскликнули Юньци и Тоба Фэн.

Юньци удерживал Чжан Циня, а Тоба Фэн снова крикнул во двор:

— Невестка, прости за беспокойство. Мы потревожим вас на одну ночь, а завтра на рассвете уйдём.

Лань Мо не ответила. Юньци тихо сказал:

— Братец, ты что, хочешь, чтобы Лао-цзы не мог спокойно уснуть? Мы поспим на заднем дворе. Пошли, показывай дорогу.

Чжан Цинь, видя настойчивость Юньци, был вынужден отвести их на задний двор. Там оказался дровяной сарай. Чжан Цинь снова тяжело вздохнул и сказал:

— Ладно, раз уж мы братья, не буду спорить.

Чжан Цинь и Юньци обнялись. Юньци не удержался, поднял руку и погладил его по голове, утешая:

— Тайцзу скончался, на престол взошел внук императора. Когда мы вернемся спустя какое-то

время, неважно, кто станет императором. Главное, чтобы у Юнь-гэ-эра была власть. Тогда я первым делом пошлю кого-нибудь за тобой, и ты снова станешь одним из Цзиньивэй... Просто потерпи еще немного, не ссорься с женой и живи хорошо, ладно?

Чжан Цинь молча кивнул. Юньци почувствовал на своей шее теплые слезы и не знал, что еще сказать. Он отпустил Чжан Циня. Тоба Фэн хотел что-то добавить, но промолчал, будто тоже хотел подбодрить Чжан Циня.

Однако тот развернулся и ушел.

В деревянном сарае стало тихо, остались только Тоба Фэн и Юньци.

Тоба Фэн вдруг сказал:

— Ши-гэ в будущем не будет ругать тебя и разговаривать с тобой на повышенных тонах.

«...»

Юньци не знал, смеяться ему или плакать:

— Не говори глупостей, ложись спать.

Тоба Фэн присел на корточки, поднял принесённый Чжан Цинем потрепанный половик и встряхнул его. Расстелив его на земле, он лёг и послушно протянул руку, ожидая, когда Юньци положит на неё голову.

Они крепко обнялись. Со стороны переднего двора доносились резкие ругательства Лань Мо и сдержанные, полные гнева насмешки Чжан Циня, и уснуть они никак не могли.

Юньци тихо проговорил:

— Моя старшая сестра в своё время не была такой...

Тоба Фэн, лежа на боку, долго смотрел на Юньци, затем осторожно поцеловал его в ресницы.

Юньци пробормотал:

— В том году, когда умер мой отец, старшую сестру выгнали из дома... Шинян велела мне срочно возвращаться... Ты вышел из дворца вместе со мной, помнишь?

Тоба Фэн хмыкнул, сказав:

— Из усадьбы генерала выбросили маленький узелок с вещами. Косметика и шпильки для волос со звоном рассыпались по земле.

Юньци продолжил:

— Я до сих пор помню, как она, рыдая, подбирала с земли те вещи... Будь они прокляты, какой же это был грех. Тогда я был слишком мал и не понимал, почему она плачет, а теперь, когда вспоминаю, сердце сжимается от боли.

— В те годы зять был всего лишь праздным князем, каждый день слонялся по столице без дела, должности и жалованья. Князю полагалось всего два ляна серебра в месяц, он копил четыре года и всё отдал отцу на похороны и гроб... Сам он был настолько нищ, что в кармане не было ни медяка. Если уж говорить о бедности и унижении, пожалуй, тогда он мало чем отличался от Цинь-гэ-эра сейчас.

— Старшая сестра хотела заложить золотые шпильки и украшения, но зять её остановил. Вместо этого он сам взял в Министерстве работ жалованье за следующий месяц, купил нам по конфете, повёл в ресторан «Восемь Даосских Святых» поесть и только потом проводил до дворцовых ворот.

Юньци вздохнул и спросил:

— Сколько у тебя осталось денег?

Тоба Фэн безучастно ответил:

— Ни одной монеты.

Юньци чуть не сорвался на крик, возмущённо воскликнув:

— Вот транжира! На что ты их потратил?!

Тоба Фэн тревожно ответил:

— Каждый раз, пока ты спал... я клал их в твой кошелёк. Я ничего не тратил впустую. Всего за семь месяцев я заработал четырнадцать лянов серебра, и ещё тот... тот трофей... те десять лянов, что я выручил в прошлый раз, когда выдал Чжу Шици за женщину. Их мне выплатили банкнотой. Я хотел взять только пять и заставить его отдать остальное монетами, но в обстановке военного времени он не мог быстро их разменять...

Юньци потянулся к кошельку у себя за пазухой, пощупал его и с внезапным пониманием произнёс:

— Так вот почему он становился тяжелее.

Тоба Фэн спросил:

— Сколько ему дать?

Юньци ответил:

— Отдадим всё. Перед уходом спрячем ему под подушку, чтобы не задеть чувства.

Тоба Фэн с облегчением кивнул.

Только тогда они оба успокоились и заснули.

Юньци не приснилось ни единого сна. Это была самая безмятежная ночь для него с тех пор, как Тоба Фэн бежал из столицы.

Солнце уже поднялось высоко над головой, его лучи проникали в дровяной сарай и падали на лицо мирно спящего Юньци. Он открыл глаза. Его укрывала потрёпанная ткань.

Тоба Фэн уже встал, постирал их одежду и развесил её сушиться.

Знойное солнце на северо-западе нещадно палило. Плащи, развешенные на двух бамбуковых шестах, мягко колыхались на ветру, рукава одежд танцевали, словно не в силах сдержаться от объятий.

Тоба Фэн, с обнажённым торсом, сосредоточенно занимался Тайцзицюань:

— Иди завтракать, я уже поел.

Юньци взглянул на покрытую шрамами спину Тоба Фэна и, расплывшись в улыбке, бросил:

— И не стыдно тебе в одном исподнем сидеть в комнате с чужой женой? Разве это прилично?

Тоба Фэн удивлённо спросил:

— Но она же замужем?

Юньци знал, что этот простак всегда придерживался такой логики: раз человек состоит в браке, значит, у него нет пола. Не став с ним спорить, он постучал по подоконнику и с улыбкой сказал:

— Невестка, можно попросить немного еды?

Настроение Лань Мо, похоже, немного улучшилось по сравнению с прошлым вечером. Она ответила:

— Беднякам и предложить-то нечего. Прости, Юнь-дагэ.

С этими словами она открыла заднее окно и протянула миску с тарелкой.

Легкая каша с простыми закусками как раз пришлись по вкусу Юньци. Пока он ел, то перекинулся с Лань Мо несколькими небрежными фразами и вдруг спросил:

— А что это за место?

Лань Мо ответила:

— Земли Дэчжоу и Нинчжоу. Если идти дальше на северо-запад, то можно попасть в округ Силян.

Палочки Юньци замерли у губ:

— Силян? Земли, которые находятся в подчинении главнокомандующего Жун Кана?

Лань Мо ответила:

— Да... Мой отец в своё время дружил с генералом Жуном... А его сын, тот самый, как его... служил вместе с вами при дворе. Тогда в усадьбе семьи Жун...

В голосе Лань Мо слышались нотки нескрываемой тоски, но Юньци думал о другом.

Внезапно Лань Мо бросила работу, развернулась и бросилась к углу. Ее вырвало. Тоба Фэн, испугавшись, спросил:

— Невестка, с тобой всё в порядке?

Юньци всё ещё размышлял о своём и произнес:

— Отец Жун Цина?

— Невестка, прости за беспокойство. — Юньци быстро допил кашу и крикнул в сторону комнаты: — Я придумал, как поступить. Мы сейчас уйдем, чтобы дальше не обременять вас.

Лань Мо держалась за деревянный таз, и ее несколько минут сильно рвало. Услышав слова Юньци, она побледнела. Даже не вытерев рта, женщина поспешила открыть заднюю дверь и тревожно спросила:

— Как же так? Куда вы, дагэ? Чжан Цинь рано утром ушёл на рынок, и, судя по времени, уже должен скоро вернуться. Вам никак нельзя уходить! Подождите ещё немного, оставайтесь на обед, потом решим.

Юньци уже собирался что-то сказать, но Тоба Фэн, поняв его намерение, перебил его:

— Нам не к спеху искать генерала Жуна. Подождём, пока он вернётся, попрощаемся и тогда пойдём.

Юньци вынужден был сделать вид, что согласен, и кивнул. У Лань Мо словно с плеч свалилась тяжёлая ноша, и она с облегчением вздохнула. Когда она закрывала дверь, её руки слегка дрожали, что не ускользнуло от зоркого глаза Юньци.

Лань Мо вернулась в комнату и больше не проронила ни слова. Тоба Фэн украдкой просунул кошелек в оконную раму, затем отдернул занавеску и поправил её, тихо проговорив:

— На эти деньги они смогут купить несколько коров.

Чем больше Юньци думал, тем сильнее ему становилось не по себе, и он сказал:

— Сходи на передний двор, проверь, там ли ещё бык.

Тоба Фэн нахмурился:

— Ты не доверяешь даже своему брату?

Юньци поторопил его:

— Просто иди.

Тоба Фэн взобрался на стену, спустился в передний двор, осмотрел его и, вернувшись, произнес:

— Нет его.

Юньци почувствовал, что выражение лица Лань Мо было каким-то ненормальным, да и её настроение сегодня менялось слишком быстро. Он зацепился одной рукой за карниз, перевернулся и взобрался на крышу, устремив взгляд вдаль.

В десяти чжанах по соседству стоял другой крестьянский дом. Юньци снова поманил Тоба Фэна:

— Подойди сюда, взгляни.

Юньци указал на соседский коровник, где стояли две быка, и спросил:

— Тот, что слева, похож на быка Чжан Циня?

Тоба Фэн смотрел то влево, то вправо, и в его голове роились вопросы. Как бы он ни был силен в боевых искусствах, и каким бы острым ни было его зрение, он не мог определить, тот ли это бык. После долгого разглядывания он ответил:

— По-моему, не похож.

Юньци тихо проговорил:

— А мне кажется, очень даже похож.

Тоба Фэн спокойно сказал:

— Не позволяй подозрениям затмевать твой рассудок.

Лань Мо продолжала украдкой поглядывать во внутренний двор. Не обнаружив Тоба Фэна и Юньци, она в панике распахнула дверь и выбежала:

— Сюй-дагэ! Тоба-дагэ?!

— Мы здесь. — Юньци, стоя на крыше, улыбнулся: — На границе прекрасная погода, мы забрались на крышу полюбоваться видами.

Лань Мо, стоя во дворе, с нерешительным выражением лица попросила:

— Спуститесь, хорошо? Крыша не выдержит, мы только недавно её чинили.

Юньци ответил:

— Ладно, сейчас... — Не успел он договорить, как Тоба Фэн крепко сжал его запястье, до боли.

Юньци глубоко вздохнул и устремил взгляд вдаль.

Лазурное небо выглядело словно свежевывмытым. По нему плыли белоснежные облака, и на тысячи ли простиралась пустыня, покрытая живописными песками.

В неохватной дали по грядам пустыни Гоби петлял отряд чиновников.

Впереди всех, одетый как крестьянин, скакал во весь опор всадник.

Юньци стоял на крыше, опустив взгляд на Лань Мо во дворе. В её глазах читался лишь страх, и она с мольбой сказала:

— Дагэ, спуститесь попить воды, сейчас слишком сильная песчаная буря.

— Ладно, — ледяным тоном ответил Юньци. — Сейчас спустимся.

— Куда вы?! Не уходите! Эй!

Стражники ворвались внутрь, выломав дверь. Юньци и Тоба Фэн метнулись на задний двор. Человек во главе отряда закричал:

— Не дайте сбежать государственным преступникам!

Несколько десятков всадников плотно окружили дом Чжан Циня.

— Цинь-гэ-эр, выйди, поговорим.

Юньци ничуть не испугался. С его и Тоба Фэна навыками эти несколько десятков салаг не смогли бы их удержать.

Тоба Фэн с покрасневшими глазами выхватил из-за пояса свой меч Сючунь и встал перед

Юньци, явно охваченный жаждой убийства.

Лань Мо громко вскрикнула и отползла в угол заднего двора. Чжан Цинь, спрятавшись в доме, не отвечал.

— Командир Цзиньивэй Сюй Юньци и мятежник Тоба Фэн? — Главарь стражников держал в руках ордер на арест, сверяя лица двоих, затем холодно произнёс: — Пройдёмте со мной.

Юньци проигнорировал этого стражника. Одной рукой удерживая ладонь Тоба Фэна, обнажившего меч, он сделал два шага вперёд и спросил:

— Цинь-гэ-эр, зачем ты так?

Чжан Цинь наконец ответил:

— Юньци, у меня скоро родится сын. Я не хочу, чтобы он страдал вместе с нами.

Юньци на мгновение замолчал. Сквозь оконную решётку он встретился взглядом с Чжан Цинем. Увидев его глаза, наполненные чувством вины и ненависти, он медленно проговорил:

— Что ж, ладно. Мы уходим.

— В атаку! Взять их!

Тоба Фэн и Юньци встали спиной к спине. Меч Сючунь сверкнул ослепительно белой дугой, а клинок Чаньши бесшумно пронёсся по воздуху — и первый из бросившихся вперёд стражников тут же рухнул замертво!

Кровь забрызгала весь двор. Лань Мо с криком бросилась в дом.

— Бежим!

Юньци холодно проревел, и в мгновение ока ещё несколько стражников, не щадя жизни, ринулись вперёд. Тоба Фэн, рубя налево и направо, с одного удара выбил запертые двери заднего двора ногой и, прикрывая Юньци, вывел его наружу.

В руках у Чжан Циня оказалось ружье. Наконец, отрезав себе путь к отступлению, он нажал на спуск.

С оглушительным «бум!» чугунная дробь разнесла деревянное окно в щепки. Тоба Фэн изменился в лице и, забыв обо всём, бросился вперёд. Юньци в панике обернулся. Снаряд

попал ему в плечо. Он тут же харкнул кровью и рухнул на землю.

— Юньци! — отчаянно взревел Тоба Фэн.

— Уходи! — стиснув зубы, крикнул Юньци.

Чжан Цинь мгновенно опустил ружье, перезарядил его, выскочил во двор и навёл ствол на Тоба Фэна.

Тоба Фэн подхватил Юньци и, не смея оглядываться, изо всех сил прыгнул на забор. Юньци едва успел высунуть руку, схватить с верхушки стены камень и зажать его в пальцах.

В глазах Юньци читались скорбь и сожаление, когда он встретился взглядом с Чжан Цинем. Тот закрыл глаза и выстрелил снова.

Юньци глубоко вдохнул.

Мир вокруг стремительно отдалился. Бесчисленные детали пейзажа расплылись, оставив в поле зрения лишь маленькое тёмное квадратное отверстие размером в полцуня.

Юньци щелкнул пальцами, и камешек вылетел со свистом, беззвучно закупорив дуло.

Ружье взорвалось. Чжан Цинь с болезненным рёвом отлетел назад, его руку размозжило в клочья.

Тоба Фэн спрыгнул с дворовой стены, оставляя кровавый след по бескрайней пустыне, и помчался что есть мочи. Когда он добежал до края пустыни Гоби, перед ним предстала мутно-жёлтая река.

— Прыгай, не бойся.

Юньци окровавленной ладонью нежно коснулся лица Тоба Фэна. Мужчина крепко обнял Юньци, и они вместе прыгнули вниз, исчезнув в бурлящих речных водах.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326097>